

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

Девушка
с секретом

Галина Владимировна Романова

Девушка с секретом

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167383
Девушка с секретом: Повесть: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-08538-6*

Аннотация

Кто сильнее – закон или преступная сила? Игорь служит закону, но слишком часто чувствует, как он слаб в схватке со злом. Вот и сейчас преступника который день не могут найти. Игорь нервничал. Преступник хитер, постоянно меняет свой облик и каким-то образом провоцирует бандитские разборки в городе. Именно по милости этого убийцы-невидимки его подзащитной, Женьке, было вынесено обвинение в зверском убийстве своегобрата. Сейчас девушка на свободе. Но уже несколько дней адвокат безуспешно пытается ее найти. Неужели этот маньяк, так ловко подставивший Женьку, нашел ее раньше?

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

5

77

Галина Романова

Девушка с секретом

* * *

Кровь тонкой струйкой стекала по лезвию ножа, оставляя багровые пятна на ее белоснежной ночной сорочке. Тускляя лампочка под потолком выхватывала из мрака ночи тело мужчины, распростертое на полу, – оно было безжалостно изуродовано.

– Что ты наделала?! – раздался сдавленный шепот за спиной девушки.

Она медленно повернулась, едва не поскользнувшись в луже воды и крови, и невидящими глазами уставилась на говорившую.

– Что ты наделала?! – вновь повторила объятая ужасом женщина, нервно комкая на груди джемпер. – Ты убила его!!! Ты убила его, чудовище!!!

– Я не... – Девушка переступила босыми ступнями и, словно только что очнувшись, выдохнула: – Я ничего не понимаю... Кто это сделал?!

Взгляд ее переместился на нож, который она судорожно сжимала в посиневших от напряжения пальцах, и девушка... завизжала.

Этот страшный крик вырвался на волю через открытую форточку и эхом прокатился среди многоэтажек, заставив многие уснувшие к этому времени окна засветиться сигнальным огнем грядущей трагедии. Но крик больше не повторился. Понемногу успокаиваясь, люди гасили свет и вновь отдавали себя в объятия Морфея. Лишь луна, безмолвный свидетель многих деяний, совершающихся на грешной земле, смогла увидеть, как замертво рухнула рядом с истерзанным трупом молоденькая девушка в окровавленной ночной сорочке...

Под монотонное гудение мотора Женька задремала.

Сон был единственным спасением для ее измученного сознания. Но последнее время и он не приносил избавления. Кошмары, один ужаснее другого, наплывали из ниоткуда и опускались кровавым маревом, мешая пробуждению.

– Всем встать! – рявкнули над ее головой. – К выходу, быстро!!!

Сонно поведя глазами, Женька зябко поежилась и, стараясь не привлекать к себе пристального внимания конвоира, двинулась вслед за другими женщинами к выходу.

Машину, этапирующую заключенных, подогнали прямо к открытой металлической двери унылого серого здания. Железный козырек над входом лишал возможности что-либо разглядеть.

– Быстро, быстро, быстро!!! – орал что есть мочи лысый

мужик, хватая заключенных за шиворот и швыряя прямо в открытую дверь, которая показалась Женьке олицетворением входа в преисподнюю. – Шевелись!..

Женщины шевелились. Не глядя друг на друга, они последовали за тюремщиком по длинному гулкому коридору в караульное помещение и, выстроившись в шеренгу, замерли в ожидании дальнейших распоряжений. Правда, с этим никто особо не спешил. Лысый конвоир развалился на предложенном ему стуле и принялся балагурить с прыщавой контролершей. Та широко раскрывала рот в беззубой улыбке и откровенно терлась грудью о плечо мужчины. На присутствующих они не обращали внимания.

«А кто мы такие, чтобы обращать на нас внимание? – горько подумалось Женьке, которую эта сцена поразила своей откровенной пошлостью. – Мы для них что-то вроде подопытных крыс...»

Ее умозаключение подтвердилось минуты через две, когда одна из женщин, не выдержав напряжения, упала в обморок. И тут же дверь, через которую их ввели, распахнулась. В караулку ворвался вихрь в облике молодого чернявого мужика с резиновой дубинкой под мышкой и в сопровождении четырех дюжих охранников, пол которых определить было трудно из-за мешковато сидевшей одежды и сальных волос, спадающих спутанными прядями на неряшливые воротники.

– Что за мразь тут развалилась? – взвизгнул черномазый

тонким голосом.

Грудастая контролерша нехотя оторвалась от своего занятия и прошлепала на кривых ногах к женщине, лицо которой постепенно начало наливаться синевой.

– Встать! – протрубила она и пнула заключенную ногой. – Встать, кому говорю! Похоже, она того... отключилась.

Последние слова контролерша произнесла, заискивающе заглядывая в глаза вошедшему. Тот качнулся на каблуках высоких хромовых сапог и, медленно подойдя к ним, обрушил на лежащую несколько ударов дубинкой.

Кто-то из присутствующих тихо ахнул.

Втянув голову в плечи, Женька до крови закусил губу и изо всех сил принялась уговаривать себя не закричать. Опущенные в пол глаза наполнились слезами. Жестокость и равнодушие, с каким все это проделывалось, больно ударили по ее ранимой душе.

– Убрать! – взвизгнул мужчина и нервно забегал по комнате. – Черт знает что!!! Кого привозят?!

– Пора бы начинать, – тихо произнес один из вошедших. – Обед скоро.

– Да, да, – машинально подхватил черноволосый. – Давайте сюда список. Начнем сортировку.

Так называемая сортировка заняла не более десяти минут. Всех присутствующих женщин после переключки разбили на группы по три-пять человек и повели по тому же коридору, но в другом направлении.

Женька осталась одна...

– А что с этой пташкой делать будем? – елейным голоском спросила контролерша и подошла поближе. – Куда селить? Мест свободных не осталось.

– А может, к этой... к Сатанистке, – тихо подсказал кто-то.

– С ума сошел, – фыркнула та. – Она ее через два месяца в гроб вгонит. Да и чего такому добру со старухой пропадать.

На последних словах беззубая поганенько захихикала, и через минуту к ней присоединились остальные.

– Хватит! – приказал обладатель смоляных кудрей. – Сели ее к Сатанистке, а там посмотрим. И так провозились дольше обычного...

Сатанистка оказалась миловидной бабулей с небесно-голубыми глазами и кроткой улыбкой.

– Заходи, голуба, – тихо прошелестела она и засемила навстречу девушке.

Женька стояла, не двигаясь.

– Постель возьми, – буркнула охранница и вложила объемистый сверток ей в руки.

Дверь камеры с грохотом захлопнулась за спиной девушки, беспощадно отсекая ее от прежней жизни.

– Заходи, заходи, – старушка попыталась улыбнуться подружелюбнее. – Чего столбом стоять?

Женька сделала два робких шажка по направлению к на-

рам и неожиданно рухнула на колени.

– Это не со мной!.. – иступленно зашептала она, обводя безумным взглядом стены, выкрашенные неопределенного цвета краской. – Этого не может быть!.. Я сейчас проснусь, и все наладится!..

– Э-э-эх, голуба! – закачала головой соседка по камере. – Если ты здесь, то ничего уже не наладится...

– Почему? – непонимающе подняла Женька на нее глаза. – Будет суд, меня обязательно оправдают!

– Я здесь уже второй год, а суда и не предвидится, – пояснила бабуля, помогая девушке подняться. – Ишь какая ты тяжелая, с воли-то. Ничего, посидишь на здешних харчах, полегчаешь.

Слова ее оказались пророческими во всем...

Дни шли за днями, сменяя друг друга чередой осенних ливней и зимних снегопадов, а ситуация не менялась. Менялся лишь облик Женьки: постепенно она превращалась в еле уловимую тень той, какой была прежде.

– Нельзя так, голуба, – уговаривала ее баба Маша. – Похлебай баландочки, не весть какое, но все же пойло. А так тебя и ноги носить не будут...

Женька вяло водила ложкой по тарелке, плохо вслушиваясь в то, что ей вещала словоохотливая старушка.

Перед глазами вставало всегда одно и то же видение, заставлявшее сердце замирать в груди. Самым страшным для нее было то, что чем больше проходило времени, тем

явственнее она видела истерзанное тело Антона, дополняя страшную сцену новыми и новыми подробностями, которых прежде не заметил ее охваченный ужасом взгляд.

– Нельзя так казнить себя, голуба, – ворчала старушка, замечая остановившийся взгляд Женьки. – Так недолго и свихнуться, а то и вовсе... – и Сатанистка многозначительно умолкала.

– Ну и что, – равнодушно пожимала плечами девушка. – Кому от этого хуже? Одной несчастной меньше станет.

– Не скажи, – сразу оживлялась баба Маша. – Каждому из нас суждено пройти свой путь, а...

– Значит, свой я уже прошла, – перебивала ее Женька. – Моя жизнь кончилась...

Старушка заходила сухим кашлем, что происходило с ней всякий раз, стоило ей поволноваться. Глаза ее при этом страшно закатывались, а высохшая от возраста грудь ходила ходуном. В такие минуты Женьке волей-неволей приходилось отвлекаться от мрачных мыслей и суетиться вокруг соседки. Перспектива оказаться одной в этом склепе, именуемом камерой, ее не прельщала, как не прельщало и появление рядом с ней нового человека.

Прожив бок о бок с этой удивительной женщиной около года, Женька, вопреки предсказаниям тюремного персонала, по-своему привязалась к ней.

Объяснялось ли это извечной тягой к родителям, которых девушка почти не помнила, или просто душевным вакуумом,

она точно сказать не могла. Но факт оставался фактом – эта старушка, которой приписывались страшные преступления, якобы содеянные ею на воле, стала ей вторым дорогим человеком на земле, после Антона.

Антон!..

При воспоминании о нем глаза Женьки сразу наполнялись слезами. Внутри разливался ледящий душу холод, и, невзирая на время, которое все дальше и дальше уносило ее от тех страшных событий, боль не становилась слабее...

Кто мог сказать в тот день, когда она впервые его увидела, что все так трагически закончится?

Вновь обретенное счастье казалось вечным. Дни, один безоблачнее другого, стремительно летели, отодвигая воспоминания о детском доме, о полуголодном существовании там. Каждое утро, просыпаясь в своей девичьей постели, Женька возносила в молитвах тот миг, когда в кабинете заведующей ей сказали:

– Вот познакомьтесь, Каменихина, – это ваш брат!..

Переводя непонимающий взгляд с воспитательницы на красивого молодого человека, ласково улыбающегося ей, Женька силилась что-либо понять – и не могла. Счастье, внезапно свалившееся на нее, было столь неожиданным, столь прекрасным, что поверить в него было почти невозможно.

И все же это оказалось правдой.

Антон, носивший одну с ней фамилию, действительно оказался родным братом Женьки. В раннем детстве, разлу-

ченные волею судеб или нерадивых чиновников, они были развезены по разным детским домам и надолго потеряли друг друга.

Со временем в памяти маленькой девочки с тонкими косичками стерлись воспоминания и о сгоревшем родительском доме, и о мальчишке, который в холодном коридоре распределителя повторял дрожащим голосом:

– Я все равно тебя найду, Женька! Все равно найду!..

От печальных воспоминаний ее оторвал лязг открывающейся двери.

– Каменихина – на выход! – неприветливо буркнула Люська-контролерша, которую все здесь звали Слякоть, за ее вечно недовольный вид и постоянное брюзжание. Вот и сейчас, обшарив Женьку с пяток до макушки, она пнула ее в спину крепко сжатым кулаком и окрысилась:

– Ходит к тебе и ходит! А говоришь, стерва, что денег нет!

– Денег нет, – печально констатировала Женька, сложив руки за спиной и следуя за мрачного вида охранницей.

– А кто же адвокату платит? Поверила я тебе, как же! – фыркнула Люська.

– Он общественный адвокат, – попыталась пояснить девушка, опасливо озираясь по сторонам – не дай бог услышит кто из начальства, трех дней карцера не избежать. – Таких всем выделяют.

– Что ты мне грузишь-то? – зло прошипела Люська. – Ста-

нет он задницу рвать за зарплату?! Может, у него какой свой интерес имеется, а?! Ты смотри у меня, схлопочешь сразу!

Женька подавила судорожный вздох, опасливо вжимая голову в плечи. О крутых кулаках Слякоти по тюрьме ходили легенды. Говаривали, что во время какой-то заварухи она ухитрилась раскидать полдюжины товарок, переломав при этом не одну пару челюстей.

– Слышь, Дошлая, – Люська замедлила шаг перед дверью. – Я ведь с понятием... Если какие проблемы – обращайся ко мне... Поняла?

– Ага, – кивнула девушка, глядя в глаза охранницы и в глубине души недоумевая по поводу такой неожиданной доброжелательности.

– Ладно, иди уже, – буркнула Люська. – Недолго там. Мне торчать в коридоре – мало радости...

Похоронив вздох облегчения глубоко внутри себя, Женька перешагнула порог и сразу наткнулась на внимательный взгляд адвоката, солидно именующего себя Игорем Владиславовичем. Хотя он и был лет на семь старше Женьки, ей казалось, что этот Владиславович слишком молод для своей профессии.

– Добрый день, – лучезарно улыбнулся ей адвокат и, не встретив ответной радости, сразу поскутнел. – Как дела?

– Дела, как в Польше, тот пан, у кого больше, – отчеканила девушка недавно подхваченную поговорку, смысл которой до конца так и не поняла. – Случилось что-то важное?

– Почему вы так решили? – адвокат принялся переключать чистые листы бумаги, старательно избегая взгляда подзащитной.

– Ну, не ради же моей иссохшей фигуры вы тащились в такую даль?

– Евгения, гм-м-м, – прокашлялся Игорь Владиславович, заливаясь краской до самых ушей, – вы несколько изменились за последнее время...

– Не забудьте уточнить, что время это исчисляется девятью месяцами, – горько ответила девушка, глядя на зарешеченное окно. – Общаться приходится не с самыми приятными людьми, так что извините, если мои манеры оставляют желать лучшего.

Адвокат сердито засопел и, нервно обойдя стол, за которым сидела Женька, гневно выпалил:

– Вы ничего не понимаете! Абсолютно ничего! Я как могу оттягиваю время, откапываю все новые и новые факты.

– А для чего вы оттягиваете время? Кому нужны эти ваши новые факты? – не удержавшись, Женька тоже повысила голос. – А вы знаете, что здесь день – за три?! А вы знаете, что я почти не хожу в баню из боязни быть изнасилованной?!

На последних словах она не удержалась и всхлипнула.

– Я все это понимаю, но если суд состоится именно сейчас, то ваши шансы равны нулю.

– Вы хотите сказать?.. – девушка подалась вперед.

– Именно, – Игорь Владиславович устало потер виски. –

Сейчас все против вас, есть свидетели, многочисленные улики... К тому же...

– Что?! – пальцы, вцепившиеся в стол, побелели от напряжения. – Договаривайте.

– Следствию стали известны некоторые подробности из вашего детства.

– Не понимаю, – Женька наморщила лоб. – Что вы хотите этим сказать?

– Почему вы скрыли от меня, что страдаете чем-то вроде сомнамбулизма?!

– Это ложь!!! – она подскочила с места. – Кто может это подтвердить?..

Адвокат укоризненно покачал головой и принялся копаться в раскрытом кейсе, который в начале беседы уложил на стол. Через несколько секунд поисков он извлек оттуда старую, потрепанную тетрадь с небольшим красным квадратиком в верхнем левом углу.

– Узнаете? – он швырнул тетрадь через стол.

Женька поежилась под его пристальным взглядом, узнав свою медицинскую карточку, но промолчала.

– Я должен знать все! – вновь повысил он голос. – Что вы чувствовали во время сна, какие видения вас посещали. В общем – все! И только правду, разумеется...

– Но я ничего не помню, – низко опустив голову, девушка уставилась на сомкнутые в замок пальцы и надолго замолчала.

Игорь Владиславович, сделав несколько кругов по комнате, подошел к ней сзади и, едва касаясь начинающих отрастать волос, тихо произнес:

– Я верю вам, Женя... Несмотря ни на что, я вам верю. И я, наверное, единственный человек, который хочет вашего освобождения.

Слезы сами собой закапали у нее из глаз. Она понимала, что не имеет права расслабляться, что должна быть сильной, чтобы выжить в этом аду, но ничего не могла с собой поделать.

– Я... я... – сквозь всхлипывания смогла наконец произнести она. – Я помню жуткое пламя... Оно пляшет вокруг меня, его языки обнимают меня, я пытаюсь вырваться, бегу. Все, чего я хочу в этот момент, – это воды. Много воды... Понимаете?

Молчаливый кивок адвоката вернул ей способность говорить более внятно. Женька прокашлялась, вытерла глаза и продолжила:

– Первое время мне все время снился пожар. Родители погибли в огне, вы знали об этом?

– Да, да, продолжайте. – Игорь Владиславович вновь сел за стол напротив.

– Возможно, это наложило отпечаток на всю мою жизнь, – она судорожно сглотнула. – Это ужасно!!! Вы не можете себе представить, как это страшно... Ты бежишь, а огонь со страшным гулом преследует тебя...

– И что там было насчет воды? – не выдержав, перебил адвокат.

– Так вот, первое время меня по утрам не могли найти в спальне. – Женька нервно облизнула губы, вспоминая весь ужас пережитого унижения.

– А где вы были?

– В ванной...

– Где?!

– Я сидела, вся облитая водой, дрожащая от холода и страха, и не могла понять, как я там очутилась, – невидящими глазами девушка смотрела перед собой. – Понимаете? Я ничего не помнила...

– Совсем?! – Игорь Владиславович вновь принялся мерить шагами небольшое пространство.

– Совсем, – обреченно качнула она головой.

– Это-то и плохо, – тяжело вздохнул он. – Не мне вам рассказывать, что на месте преступления была огромная лужа воды. К тому же показания вашей невестки...

– Что она говорит? – вскинулась Женька.

– Виктория Львовна говорит, что последнее время вы были замкнуты, нервны и о чем-то подолгу спорили с братом.

– Но... но это же неправда! – оторопев, выдавила из себя девушка. – Наши споры носили скорее шуточный характер, а моя замкнутость объяснялась тем, что я зубрила информатику... Я не понимаю... Зачем, зачем она врет?..

– Возможно, ваше поведение таковым и казалось со сторо-

ны, – предположил Игорь Владиславович и принялся укладывать бумаги в кейс. – Я думаю, что на сегодня достаточно. Вы выглядите усталой...

– А как бы выглядели вы, если бы вас обвиняли в убийстве собственного брата, да еще при таких обстоятельствах. – Женька встала со своего места и двинулась к двери, привычно сложив руки за спиной.

Глядя на ее сгорбленную спину и ставшие почти неосознанными бледные запястья, Игорь Владиславович не выдержал.

– Пойдите, Женя, – остановил он ее и полез во внутренний карман пиджака. – Возьмите вот... Здесь не очень много, но, возможно, они вам пригодятся...

С изумлением глядя на свернутые в трубочку деньги, девушка недоуменно пожала плечами и, нагнувшись, сунула их в ботинок.

– Спасибо, – запоздало обронила она уже у открытой двери, где ожидала Люська, зорко осмотревшая их со всех сторон.

Весь обратный путь, который занял несколько больше времени из-за толпы вновь прибывших, Женька угрюмо молчала. На грубоватые шутки Слякоти она старалась не обращать внимания. Лишь когда дверь ее камеры гостеприимно распахнулась, Женька нагнулась и, вытащив из ботинка свернутые купюры, сунула их охраннице со словами:

– На, заberi. Мне они ни к чему.

Если Слякоть и была удивлена таким поворотом дела, то

никак этого не показала, лишь дружелюбно толкнула Женьку в плечо, отчего та едва удержалась на ногах.

– Ты и вправду Дошлая, – зычно захохотала Люська и, втолкнув заключенную в камеру, с грохотом захлопнула дверь.

Опустившись на кровать, Женька устало привалилась к стене и задумалась.

Следователь на допросах неумолимо склонял ее к мысли об убийстве на почве ревности, совершенном в состоянии аффекта. Нормальному человеку эта версия показалась бы кощунственной, о чем Женька и не преминула ему заметить.

В ответ он лишь цинично ухмыльнулся и процедил сквозь зубы:

– Если бы все, чем мы занимаемся, можно было подвести под логическую черту, то раскрываемость у нас была бы сто-процентная. А так, уважаемая, приходится копать в дерьме, которое нам поставляют психопаты и психопатки вроде вас.

То, что следствию стали известны некоторые подробности ее полуголодного детства, сильно тревожило. Узнав о лунатизме, они вцепятся в нее мертвой хваткой. Лужа воды на полу, которая вызывала у следствия недоумение, теперь легко объяснялась.

От невеселых размышлений ее отвлекло злобное шипение соседки по камере.

– Юродивая, – брызгала та слюной. – Это надо же до та-

кого додуматься!..

– Баба Маша, вы чего? – Женька непонимающе уставилась на нее.

– Ты лучше скажи, что ты этой поганке отдала?! – взвизгнула та, подлетая к девушке и потрясая над ее головой сухонькими кулачками.

– А-а-а, вот вы о чем, – понимающе кивнула Женька, вспомнив о деньгах. – Ни к чему они нам. Я и Антону всегда говорила, чтобы он перестал надрываться. С утра до ночи вкалывал на станции техобслуживания. Вика работала администратором в гостинице. На ходу питались, на ходу встречались. Немудрено, что последнее время их отношения начали портиться. Всего не заработаешь! От денег все зло...

– Зло от таких дурочек, как ты! – продолжала неистовствовать старушка. – Ты и братца своего замочила, потому что чокнутая...

К подобным проявлениям гнева Сатанистки Женька привыкла, потому и оставила ее оскорбительное заявление без внимания. Вытянув на жестком ложе исхудавшее до неузнаваемости тело, она прикрыла глаза и постаралась заснуть.

Но, очевидно, такое ее поведение еще больше раззадорило алчную старушку, она подлетела к девушке и, выдернув тощую подушку из-под головы Женьки, сбросила на пол и принялась топтать ее ногами.

– Что вы делаете? – устало произнесла Женька, не делая попытки остановить разбушевавшуюся соседку. – Там и бы-

ла-то всего тридцатка. Стоит ли так волноваться?

На мгновение остановившись, баба Маша окинула девушку гневным взглядом и, пнув напоследок еще пару раз многострадальную подушку, обессиленно опустилась на колченогий стул.

– Ты и правда чокнутая, – заключила она после непродолжительной паузы. – Ты хотя бы знаешь, что бродишь по камере ночами?

– Что-о-о?! – от такого неожиданного откровения Женька, казалось, лишилась дара речи.

Подскочив на нарах, она с ужасом уставилась на старуху, и лишь злорадно поблескивающие глаза той говорили, что Сатанистка не врет.

В камере воцарилась тишина, нарушаемая лишь скрипом стула.

– Ладно, чего ты? – несколько сбавив обороты, пробормотала наконец соседка, озадаченная такой реакцией на сказанное. – От такого кто угодно сбрендит, я вот тоже, видишь, не сдержалась. Новости с воли плохие...

Прослушав последние слова, девушка обхватила себя руками и принялась раскачиваться из стороны в сторону, тихонько поскуливая при этом.

– Эй, голуба, ты чего? – теперь уже не на шутку всполошилась баба Маша. – Ну, прошла несколько раз и что?..

– А потом, что потом? – подняла Женька помутневшие глаза. – Что я делала потом?

– А ничего, – пожалала старушка плечами. – Походишь, походишь кругами. Подойдешь к умывальнику, включишь воду и голову туда суешь. Я пару раз пыталась тебя разбудить, но ты вроде ничего не слышишь. А один раз так меня шибанула, что я отлетела к стене. Я где-то читала, что у лунатиков во сне сила необыкновенная.

– Да, возможно...

Кряхтя, баба Маша подняла с пола растерзанную подушку и, как следует отряхнув ее, положила на нары.

– Приляг, детка. И прости меня, старую, – она легонько толкнула Женьку в плечо, и та кулем упала на жесткое ложе. – Ты не накручивай себя. Не могла ты это сделать... Даже во сне...

– Почему вы так думаете? – сквозь слезы спросила девушка.

– Уж я кое-чего повидала в этой жизни, поверь. Я за тобой, сколько сидим здесь, все время наблюдаю. Ты не убийца!

– А вы их видели, убийц-то? – Женька недоверчиво повернула голову в ее сторону.

Старушка тихонько захихикала и прошаркала к окну. Здрав голову, она простояла там минут десять, ничего не отвечая и не поворачиваясь. Наконец, когда девушка совсем уже отчаялась услышать в ответ что-либо вразумительное, Сатанистка повернулась и с лихорадочным блеском в глазах тихо произнесла:

– Видела!.. И не один раз!..

От того, каким тоном это было сказано, Женька невольно поежилась. В памяти сразу всплыла недавняя сцена в бане, куда ее принудили пойти, несмотря на все заверения, что она прекрасно справляется с умыванием и в камере. Но Люськина сменщица и слушать ничего не хотела.

– Положено, значит, положено, – бурчала она, выводя девушку в коридор. – Свои порядки будешь дома наводить, если туда вернешься...

Прикрываясь тазиком, Женька прошла в дальний угол душевой и застыла немым изваянием, дожидаясь своей очереди. Дабы не привлечь к себе нездорового любопытства, она отвернулась от присутствующих. Их голые силуэты были едва различимы в душном пару. Девушка уставилась невидящим взглядом в стену, покрытую буро-зеленой слизью.

Неожиданно разговор за спиной привлек ее внимание. Она насторожилась и, дождавшись своей очереди, принялась намыливать, вся обратившись в слух.

– Говорю тебе, она потому и в баню не ходит, что ей Сатанистка не велит, – шепелявил чей-то голос.

– Ладно, будешь мне гнать пургу. Может, ей стыдно такие мощи на людях показывать. Ты глянь на нее – за шваброй спрячется, – хихикнул кто-то в ответ. – Хотя мордашка симпатичная, одни глазищи чего стоят, да и сиськи вроде в норме...

– Ага, а бабка почему не ходит? – проигнорировав послед-

нюю фразу, спросила собеседница.

– Ну не знаю, да и знать не хочу, лучше потри спину. – Разговор принял игривое направление, из чего Женька сделала вывод, что эти две женщины состоят в более чем дружеских отношениях.

Быстро помывшись, она юркнула в раздевалку и совсем уже было возблагодарила бога за то, что все обошлось, как к ее спине прильнула чья-то пухлая грудь и в ухо гнусаво пропели:

– Слышь, Дошлая, а ты не хочешь попробовать меня?

На мгновение замерев от ужаса, Женька шарахнулась в сторону, поскользнулась на мокром полу и едва не растянулась во весь рост. Дружное ржание над головой подтвердило самые страшные ее предположения.

Наслушавшись от бабы Маши различных историй о том, чем иногда кончаются подобные предложения, она сжалась в комочек в углу и лишь поглядывала на присутствующих исподлобья.

– Слышь, Верка. Она тебя не хочет! – игриво вильнула бедрами молодая девушка, чьи формы могли затмить прославленных голливудских красоток.

– Это мы еще посмотрим, – сразу окрысилась Верка и, протянув мускулистую руку с короткими толстыми пальцами, больно схватила Женьку за руку. – Встань!

Понимая, что перевес в силе явно не на ее стороне, девушка безропотно подчинилась.

– И что скажешь? – прошипела Верка, грубо поглаживая посиневшее от ужаса и холода тело Женьки.

– Ничего, – еле слышно проблеяла она. – Я... я... пожа-луйста, отпустите меня...

– Почему я должна тебя отпускать? – женщина хищно прищурилась. – Ответь мне – почему? Ты такая симпатулька. Глазки голубенькие, волосики светленькие. Ну прямо ангелочек.

– Я... я... – забормотала Женька, едва не теряя сознание, – потому что я – девушка.

– Что-о-о?! – От неожиданности Верка опешила, а затем, задрав голову, зычно расхохоталась. – Нет! Вы видали?! Девушка!..

Присутствующие, кто так же громогласно, кто тоненько подхихикивая, вторили ей.

– Верка, а ты спроси: карга не собирается принести ее в жертву дьяволу? У них, у сатанистов, целомудрие в чести... – сквозь смех спросила обладательница роскошного тела. – Я слыхала, что на ее счету не одна загубленная душа.

Смех понемногу стих, и все присутствующие с любопытством уставились на Женьку. Она стояла, трясясь словно осиноый лист, в крепких руках здоровенной Верки.

– Тебя спрашивают, – потрянула ее та. – Отвечай!

– Нет, нет, – отчаянно замотала головой девушка. – Она меня не обижает. Как раз наоборот...

– Да?! – Верка недоверчиво хмыкнула. – Лялька ведь не

врет... Бабка твоя вместе с пацанами приносила людей в жертву.

– Как это? – Женька попыталась освободиться от влажных объятий любительницы острых ощущений.

– А так, – не ослабила та хватки. – Головы отрезали, крест перевернутый вешали и пляски устраивали...

Ошалело хлопая глазами, Женька силилась понять, о чем ей говорят, но не могла. Перед мысленным взором вставала тихая улыбка бабы Маши и ее натруженные узловатые руки, которые она любила кротко укладывать на колени...

Неизвестно, чем бы закончился этот своеобразный диалог, но в раздевалку вошли две охранницы и, отчаянно горлопаня, принялись отдавать приказания.

В камеру Женька вернулась еле живая и на все расспросы соседки лишь отрешенно мотала головой.

Со временем эта сцена постепенно была вытеснена из памяти монотонностью тюремного бытия. Сейчас же, слушая зловеший шепот бабы Маши, Женька вдруг со всей отчетливостью поняла, что здесь, где она прожила почти год, хороших людей быть не может. Иногда, правда, случаются ошибки, к жертвам которых она причисляла и себя, но в большинстве случаев обитательницами этого учреждения «АЯ» номер такой-то... были отъявленные мерзавки.

– Чего затихла? – вторглась в ее размышления соседка, незаметно подходя и усаживаясь рядом. – Испугалась?

– Нет, – Женька попыталась улыбнуться. – Чего мне вас бояться?.. Ведь так?..

– Тебе бояться меня нечего, – согласно кивнула та. – А вот остальные пусть боятся!

– То есть? – брови девушки поползли вверх. – Вы хотите сказать?..

Старушка молча кивнула, глаза ее при этом удовлетворенно поблескивали. Она поманила Женьку пальцем и, наклонясь почти к самому ее уху, произнесла:

– Я состою на службе... – И, предрешая вопрос девушки, продолжила: – У Хозяина! Он! Только он правит всем!

– Вы о ком? – все-таки вставила Женька.

– А кто, по-твоему, Хозяин дня и ночи?! Хозяин света и тьмы?! – Баба Маша резво вскочила со своего места и принялась метаться по узкому проходу, вскидывая руки кверху и хрипло выкрикивая: – Они все отняли у меня!!! Приди!!! Забери меня!!!

Закусив кулачок, девушка смотрела на соседку расширившимися от ужаса глазами. Сцены жертвоприношений, одна страшнее другой, суматошно мелькали у нее в сознании.

– Но как же так?! – не выдержав, воскликнула она наконец. – Вы утешали меня, заботились обо мне...

– Потому что ты тоже помечена им! – хрипло рассмеялась баба Маша и, остановившись рядом с нарами, почти нежно погладила девушку по волосам.

– Нет! Нет! Это неправда! – замотала та головой, отпрянув

от безумной старухи.

Но остановить ее, казалось, было уже невозможно.

Склонившись еще ниже над парализованной ужасом Евгенией, баба Маша забормотала какие-то заклинания, чередуя их с плевками через левое плечо. Неожиданно неистовство ее было прервано – дверь камеры с грохотом распахнулась, и на пороге выросла фигура старшего опера с неизменной резиновой дубинкой под мышкой.

– Что здесь происходит? – рявкнул он, проходя внутрь.

– А ничего. Соринка девчухе в глаз попала, вот я и вытаскиваю, – быстро нашлась баба Маша, резко отпрянув от перепуганной насмерть девушки.

– Соринка, говоришь? – недоверчиво прищурился опер. – С соринками мы тоже можем управляться... А ты, старая, пойди пока погуляй. Иди, иди...

Той не нужно было повторять дважды. Смиренно сложив руки за спиной, баба Маша засеменила к выходу. Там ее уже ждал Серега-Мопс, неизменный и верный спутник старшего опера.

Славился он особой жестокостью, а прозвище свое получил за перебитый в драке нос. После починки тот оказался вдавленным глубоко внутрь. При наличии такого профиля, да еще вкупе с огромными навывкате глазами, Серега не мог напоминать никого другого.

Оставив без внимания подобострастную улыбку бабы Маши, он ткнул ее кулаком в сторбленную спину и вывел в ко-

ридор.

После их ухода в камере воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь звонкой дробью капель холодной воды о раковину.

– Что, кран совсем не держит? – не выдержал наконец опер.

Женька неопределенно пожала плечами, внутренне собираясь для неприятного разговора.

Сам по себе визит заместителя начальника тюрьмы не вызывал ничего удивительного. Он любил заходить к заключенным и среди бела дня, и ночью, но то, что соседку при этом выдворили из камеры, очень настораживало.

– Нда-а-а, – протянул опер неопределенно, качнувшись на каблуках высоких сапог, и вдруг ни с того ни с сего брякнул: – Соседка не обижает?

– Чего? – опешила от неожиданности Женька, недоумевая – почему это вдруг его заинтересовали их взаимоотношения.

– Соседка, говорю, не обижает? – терпеливо, что само по себе тоже было невероятным, повторил опер.

– Не-е-ет, – замотала девушка головой. – Все нормально...

– Жалоб никаких нет?

– Все нормально, – тупо повторила Женька и едва не заскулила, сообразив, что самые главные вопросы он оставил «на потом». – Все нормально, Иван Сергеевич... Ой! Простите, товарищ майор, то есть гражданин...

– Да, ладно тебе, не части. Можешь по отчеству, я в прин-

ципе не против. – Опер еще раз качнулся на каблуках и, подойдя поближе, приподнял лицо Женьки кончиком резиновой дубинки. – Ты ведь неплохая девушка... Похудела очень, но это поправимо...

Судорожно сглатывая, боясь поднять глаза, Женька лихорадочно перебирала в уме все события за последние несколько недель, но, так и не отыскав в них ничего, способного привлечь внимание высокого начальства, спросила:

– Иван Сергеевич, вы что-то хотите мне сообщить?

– Может быть, – хитро улыбнулся он, немного склонив голову набок.

– Для меня есть новости с воли? – загорелись надеждой ее глаза.

– А что тебе воля? – убирая дубинку и присаживаясь рядом с девушкой, протянул опер. – Кто тебя там ждет? А тут...

– Что?

– Ты можешь жить, как королева...

– Как это? – спросила Евгения, понемногу начиная понимать, куда клонит опер. Разговоры о том, что Иван Сергеевич поставляет девочек любителям экстравагантных развлечений, доходили и в их камеру. Но то, что выбор пал именно на нее, приводило в изумление. – Я не совсем вас понимаю...

– Буду с тобой предельно откровенен, – приветливо улыбнулся ей Иван Сергеевич. – Есть один человек, который желает купить твою девственность... Ведь ты же девушка, я не ошибаюсь?

– Да, – машинально ответила Женька и тут же покраснела до корней волос. – Но я не...

– Подожди, – перебил он ее, вытягивая вперед руку. – Я не спрашиваю, согласна ли ты... Участь твоя в любом случае предрешена. И я не собираюсь из-за твоих дурацких капризов лишаться приличных денег. Вопрос в другом – что ты из этого извлечешь для себя?

– Я не могу! – закричала Женька, вскакивая на ноги. – Вы не понимаете!..

– Нет, это ты не понимаешь, – зло зашипел Иван Сергеевич, грубо хватая ее за руку и усаживая на место. – Здесь я – царь и бог. И если я скажу тебе – лизать мои сапоги, ты будешь их лизать. И если я говорю, что ты подаришь право первой ночи одному моему хорошему знакомому, то так и будет...

– Право первой ночи?! – выдохнула девушка. – А что потом?! Потом будет вторая и третья?!

– Ну, говорить об этом пока еще рано, – хлопнул себя по ляжкам опер. – Для этого тебя нужно будет немного подкормить.

– Нет, нет... – иступленно забормотала Женька, отчаянно трясая головой. – Будет суд, меня оправдают, вы не сможете ничего со мной сделать...

– А вот это ты зря, – хищно оскалился Иван Сергеевич. – Я могу все!..

Убедиться в справедливости его слов ей пришлось на сле-

дующий же день...

Женщина спала...

Дыхание ее, поначалу ровное и спокойное, начало сбиваться, вырываясь из груди громкими всхлипываниями.

– Нет! Не надо! – отчетливо послышалось в полумраке спальни. – Не трожь меня! Я не хочу это делать! Прошу тебя – я боюсь!..

Длинные тонкие пальцы принялись судорожно комкать край простыни.

– Не-ет! Ненавижу! – уже задыхаясь, прошептала женщина.

Тело ее свела страшная судорога, и она с громким криком вскочила.

– Опять! – сквозь слезы еле слышно выдохнула женщина. – Боже мой! Сколько можно?! Я больше не хочу!

Высоко подтянув колени и уложив на них подбородок, она обвела безумным взглядом комнату и... разрыдалась.

Маленький фарфоровый слоник, уютно расположившийся на прикроватном столике, казалось, укоризненно покачивает головой.

Понемногу рыдания начали стихать, обрывочные сновидения, мучившие несколько последних лет, стали тускнеть, и женщина вновь улеглась на подушку со словами:

– Завтра! Завтра я справлюсь с этим!..

Холодные струи душа скользили по молодому крепкому

телу. О том, что было ночью, свидетельствовали лишь темные круги под глазами да пара сломанных ногтей. Аккуратно подровняв их пилочкой и мурлыча себе под нос прилипчивую песенку, услышанную недавно по радио, женщина принялась за макияж. Сегодня он должен быть особенно тщательным.

Когда с этим было покончено, она встала на табуретку и достала с верхней полки шкафа небольшую картонную коробку.

– Какой я буду сегодня? – игриво задала она вопрос и тут же сама себе ответила: – Сегодня я буду рыжей, до одури вызывающей рыжей сукой. Ха-ха!..

Немного покопавшись в коробке, она достала один из париков, который еще ни разу не надевала, и, примерив его, осталась вполне довольной.

Час спустя из подъезда дома вышла высокая статная девушка. В темных очках, с непослушной огненной шевелюрой, кое-как перехваченной косынкой, в тон волосам расчерченной яркими полосами.

– До центра не подбросите? – спросила она молодого парня, копающегося в багажнике темно-вишневой «девятки».

– А чего не подбросить? – скользнул тот по ней оценивающим взглядом. – Мне тоже туда нужно... Может, нам в одно и то же место?

– Может быть, – загадочно блеснула она глазами, приподняв немного очки.

Нужным местом оказался полупустой холодный бар в одной из дешевых гостиниц. Молодые люди вошли туда с намерением немного выпить и попутно немного согреться.

– Ты пойми, Наташка! – бормотал слегка захмелевший парень. – Я люблю свою жену, но иногда хочется чего-то такого... Понимаешь?..

– Конечно, – улыбалась девушка, незаметно переставляя оголенную коленку под столом. – Обыденность, каждодневная рутина – разве можно это выдержать!..

– Нет, ну ты молодец! – восхищенно выдохнул парень, пристраивая поудобнее потную ладонь на ее ноге. – Все понимаешь! Не то что моя Надька! То она устала, то голова болит!.. Слушай, Наташка, поехали ко мне.

– А как же твоя жена? – Наташа подняла бокал и взглядом предложила присоединиться к ней.

– Нет, ты не так поняла, – торопливо забормотал парень, отхлебнув чуть-чуть. – У меня дача в сорока километрах отсюда. Сейчас по Кольцевой, и через пятнадцать минут там... Как ты, а?!

Наталья промокнула салфеткой ярко покрашенные губы, стряхнула со своей ноги начинавшую надоедать руку вошедшего в раж спутника и, грациозно потянувшись, еле слышно произнесла:

– Поехали, только смотри не пожалей потом...

– Да ты че?! – засеменил он за ней к выходу. – Кто же о таком жалеет? Хочу взрыва, понимаешь?!

– Чего-чего, а этого я тебе выдам сполна! – хохотнула Наталья, открывая заднюю дверцу машины. – Я поеду здесь. Не хватало еще мне попасться на глаза твоим знакомым.

Машина резко рванула с места, до смерти перепугав старушку, осторожно бредущую по тротуару.

– Несутся как угорелые, прости господи! – суеверно перекрестилась она и плюнула вслед отъезжающим. – Вроде на тот свет не успевают...

– Каменихина, на выход! – рывкнула Люська, возникая в проеме двери и позванивая связкой ключей. – На прогулку.

Бросив взгляд на окошко, Женька молча пожала плечами, но возражать поостереглась. Каково же было ее удивление, когда Люська-Слякоть сама, выводя ее под промозглую сырость, сеявшую из зарешеченных проемов в крыше, поежилась со словами:

– Не пойму, какого черта велели тебя вытащить под дождь? Ладно, начальству виднее. Гуляй...

Девушка сложила руки за спиной и принялась маршировать, сосредоточив все свое внимание на сухих участках бетонного пола. Но насладиться одиночеством ей не дали. Металлическая дверь громко лязгнула, впуская одну за другой сразу четверых женщин, одна из которых была Женьке уже знакома по последней встрече в бане.

– О! – загорлопанила она с порога. – Кого я вижу! Какие люди!

Строго следуя наказам бабы Маши, Женька стиснула зубы и продолжила неторопливо шагать вдоль дальней стены прогулочного отсека.

– Верка! – гыкнула беззубая товарка. – Она тебя не уважает! Надо бы наказать!

– За этим дело не станет, – процедила сквозь зубы Верка и напрямик направилась к окаменевшей от дурного предчувствия девушке. – Таська, стань у глазка.

Маленькая юркая бабенка застыла у двери, две другие подперли шероховатые стены, сложив руки на груди и скабрёзно улыбаясь в предвкушении зрелища.

– Раздевайся, сука! – зло прошипела Верка и рванула Женьку за ворот рабочей куртки. – Хочу посмотреть на тебя...

– Не буду! – упрямо вскинула девушка подбородок. – Тебе нужно, сама и раздевай!..

Последние ее слова явились сигналом к действию. Вся свара с громким гиканьем накинута на Женьку, срывая с нее ветхую тюремную одежку и царапая в кровь ее лицо и тело.

– Сволочи, сволочи! – отбивалась она как могла, задыхаясь от отчаяния. – Отстаньте от меня!..

Результат этой потасовки мог стать самым плачевным, не явись в этот самый момент Люська. Подобно скале, она нависла над кучей женских тел и поочередно принялась отшвыривать их, как котят, попутно приговаривая:

– Ишь, стервы, накинулись... Вам что было сказано – поучить девку уму-разуму, а вы?.. Ишь, физиономию как располосовали... А ты тоже хороша, от кого рыло воротишь?..

Вытирая дрожащими руками разбитый нос, Женька хватала с пола все, что осталось от ее одежды, и, прижимая тряпки к груди, еле слышно выдохнула:

– За что?! Что вам всем от меня надо?!

Люська вполголоса чертыхнулась и принялась здоровеными ручищами натягивать на девушку уцелевшие в этой потасовке брюки, остальное же представляло собой неопределенного цвета лохмотья.

– А вы что здесь? – сурово сведя брови, оглянулась она на женщин, кучкой сбившихся в уголке. – Брысь отсюда!!!

Повторять дважды не было необходимости. Дверь приоткрылась, и уголовницы быстренько ретировались.

– Ладно, вроде все... – старательно пряча глаза, недовольно буркнула Люська. – Пошли. А впредь будь умнее...

– Но я не могу!!! – хрипло прошептала Женька. – Понимаете! Не могу!!!

– А чего тут уметь-то? – одарила ее Слякость тяжелым взглядом. – Давно пора понять – здесь он – хозяин. И все будет так, как он захочет... Ну, все в порядке?

Женька молча кивнула головой и, еле перебирая ногами, двинулась следом за Люськой. Всю дорогу та упорно хранила молчание. Лишь у самого порога, тяжело вздохнув, легонько тронула девушку за плечо:

– Слушай, Дошлая, что я тебе скажу.

Женька насторожилась и, опасливо оглянувшись, подняла на Люську потухшие глаза.

– Кум должен к тебе прийти сегодня вечером. Ты молчи и на все соглашайся. Поняла? – предрекая ее немой протест, Люська поднесла к носу девушки крепко сжатый кулак. – Хочешь жить – молчи... Он тебя такую все равно ни под кого не сунет. Для начала откормить надо. А там видно будет...

– А чего видно-то? – еле выдавила из себя Женька.

– Поживем – увидим, – философски изрекла Люська и, заметив конвоира, вывернувшего из-за угла, грубо втолкнула девушку в камеру.

– Наташка! – задыхаясь, бормотал парень, торопливо освобождая молодую женщину от одежды. – У тебя фигура – класс! Ты не напрягайся!

– Да что ты, милый, – проворковала Наталья, перешагивая через узкую полоску кружевных трусиков. – С чего бы мне напрягаться? Слушай! У меня возникла одна идея!

Парень с трудом оторвался от ее прелестей и с недоумением уставился в лихорадочно блестящие глаза гостыи.

– Что за идея?.. – спросил он недовольно.

– Ты фильм «Основной инстинкт» смотрел? Ну с Шарон Стоун в главной роли?

– Некогда мне фильмы смотреть, я деньги делаю, – облизнув пересохшие от вожделения губы, тот вновь потянулся к

телу женщины. – Иди сюда...

– Подожди, – Наталья капризно надула губы. – Ты взрыва хотел или совокупления?!

– Ну, хотел... – замямлил парень, разочарованный неожиданной задержкой. – Давай, только быстрее...

– Пять секунд, – игриво ткнула она его пальчиком в напряженное место. – А у тебя есть шелковый шарф? Нет? А вообще-то сгодится и мой платок...

С этими словами она повалила ничего не понимающего любителя «взрывов» на кровать. Отвлекая его внимание изощренными ласками, гостя ловко привязала запястья парня яркой шелковой косынкой к ее металлической спинке.

– Ты смотри, – задыхалась она от возбуждения. – У тебя кровать словно предназначена для этого... Тебе хорошо, красавчик?

Ответом был глухой стон, больше похожий на рычание. Мускулистое тело парня напряглось. Капли пота, выступившие на глянцевой коже, отражали мерцающий свет дюжины свечей, которые они, дурачась, зажгли перед этим.

Удовлетворенно улыбнувшись одной ей ведомым мыслям, Наталья опустила на него сверху и принялась ритмично двигаться в задаваемом ею темпе.

– О! Да!!! – хрипло выдыхал он раз за разом, с вожделем вглядываясь в ожившие груди всадницы. – Хорошо!!!

– Я знаю, дорогой, я знаю... – Неприятная улыбка исказила ее красивые пухлые губы. – Вам всегда бывает хорошо...

И вам плевать, каково бывает мне...

Движения ее стали более резкими. Дрожащим от напряжения голосом она выкрикивала грязные ругательства, подстегивая себя на все более и более откровенные ласки.

– Я вижу, тебе не совсем нравится? – сдула она с глаз намокшую прядь волос. – Тебе чего-то не хватает?

– Нет! Нет! Не останавливайся! – Парень приподнял голову и с удивлением, граничащим с испугом, уставился на Наталью. – Что с тобой?!

Ее действительно трудно было узнать. Грим поплыл, оставляя грязные дорожки на щеках, парик съехал набок, злобная гримаса отращения судорогой пробежала по ее лицу.

– Ты зря не смотрел этот фильм... – прорычала она, уловив его напряженное внимание.

– Эй! Наталья, подожди! – заметался парень, заметив в руках молодой женщины нож с длинным обоюдоострым лезвием. – Отвяжи меня!!! Сука-а-а!!!

Тело его забилося в конвульсиях под ударами, напоминая огромную рыбину, попавшую в сети. Удары ножом наносились молниеносно, с определенной последовательностью. Когда же последняя судорога, волной пробежав по мышцам, остановилась в скрюченных пальцах, молодая женщина с протяжным стоном слезла с кровати. Негромко напевая себе под нос, она пошла в ванную.

Лихорадочно намыливаясь дорогим душистым мылом,

Наталья не уставала подбадривать себя:

– Ты умница! Ты все сделала правильно! Никто не виноват! Они все должны быть наказаны! Сейчас ты пойдешь, все приберешь и поедешь домой...

Десять минут спустя придирчиво осмотрев комнату и не обнаружив никаких следов своего пребывания, она подошла к окровавленному ложу и виновато пробормотала:

– Ты уж прости меня... Мне очень понравился именно этот фильм!.. И в конце концов, я не виновата, что ты его не смотрел!..

– Э-эх, голуба! – мягко прошелестела баба Маша, присаживаясь у Женьки в ногах. – Гибче надо быть, гибче! А ты чего удумала – против власти идти! Сломают враз, а то еще чего похуже...

Она подперла сухоньким кулачком острый подбородок и надолго замолчала. Глядя невидящими глазами в растрескавшийся потолок, Женька неожиданно для самой себя произнесла:

– Я ведь не всегда была такой. Я могла за себя постоять! Меня многие детдомовские мальчишки побаивались, не то что девчонки.

– Иди ты?! – очнулась соседка от раздумий и недоуменно уставилась на девушку. – В жисть не поверю! Ты же рыба рыбой. Как привезли тебя сюда, так я сразу тебя и определила...

– Люди часто ошибаются, – перебила ее Женька, приподнимаясь на локте. – Я в детдоме тоже ходила во сне. Меня там и били первое время, и унижали. Больше, конечно, доставалось от воспитателей, но и детишки не отставали. Приходилось как-то приноравливаться и выживать.

– А как же наказывали воспитатели?

– Каждый по-разному. Один любил меня ставить на горох коленками, чтобы не пугала его среди ночи, а другая...

Женька прищурила глаза, вспоминая маленькую, пухленькую, как сдобная булочка, воспитательницу. Та, обнаружив утром вымокшего ребенка на полу в ванной, любила стегать ее толстыми пальчиками по щекам, приговаривая: «Ты у меня будешь спать, как все нормальные дети! Я заставлю тебя быть человеком!»

Лариска...

О ней Женька не могла вспоминать без содрогания. Ей не нужно было спрашивать – кто вымазал ее тетради чернилами. Она доподлинно знала автора многочисленных доносов учителям. Лариска – а это именно она была виновницей всех ее неприятностей – изводила Женьку. День за днем, час за часом. Она не упускала ни малейшей возможности в удобный момент подставить ей ножку. Ее неприязнь с годами лишь крепла, незаметно перерастая в ненависть. Женька, чьи помыслы были чисты и наивны, никак не могла понять природу этого чувства. В конце концов, смирившись, она списала эту ненависть на Ларискино сиротство и пере-

стала обращать на нее внимание. «С годами это пройдет!» – думалось ей. Но, встретив ее однажды в городском парке, где Женька прогуливалась под руку с Антоном, она поняла, что ошиблась. Взгляд, которым та ее удостоила, был красноречивее всяких слов...

– И что – заставила? – отвлекла ее баба Маша от неприятных воспоминаний.

– Заставила... – усмехнулась девушка, вновь падая на подушку. – Терпение – вот чему я там научилась. Они вынудили меня спрятаться глубоко внутри. Я делала все, что они хотели, выполняла все, что от меня требовали, но это была не я, а кто-то другой. С собой я была лишь то недолгое время, которое прожила в доме Антона. Я радовалась каждому дню. И просто излучала нежность и доброту. Я была готова любить всех! И видит бог, мне это нравилось! Когда же случилось несчастье, то я умерла вместе с ним. Меня не стало совсем... Сейчас у меня в груди нет сердца, там пустота... Понимаете?

– Чего же тут не понять? – прошамкала беззубым ртом старая женщина.

– А я этого не хочу! Не хочу! Я хочу быть настоящей!

– Э-э-х, голуба! – соседка обреченно махнула рукой. – Здесь выбирать не приходится. Здесь или – ты, или – тебя...

– Но она ужасна!!! – вскинулась Женька. – Та, другая я. Она равнодушная – нет! – бездушная!..

– А мне такая больше нравится, – хихикнула баба Маша. – Что проку от той, другой? Одни слюни да слезы, тьфу...

Она еще что-то бормотнула себе под нос, и через минуту ее храп сотряс стены камеры.

Надземный переход прозрачным туннелем навис над трассой, гостеприимно приглашая зазевавшихся путников воспользоваться его услугами.

– Черт! Опаздываю! – Андрей летел через две ступеньки, то и дело поглядывая на часы.

Эта его рассеянность и послужила поводом к неприятностям – сильно задев плечом хорошенькую блондиночку, он отбросил ее к бетонной стене.

– Ох! Простите ради бога! – залепетал Андрей, прижимая руку к сердцу. – Ужасно спешу. Загляделся на часы. Простите еще раз.

– Хорошенькое дело! – нараспев произнесла девушка, потирая ушибленное плечо. – А это что такое?!

Андрей проследил за ее взглядом и обреченно вздохнул – в гости он уже не успевал. Блондинка полными слез глазами смотрела на свое левое запястье, которое еще минуту назад украшали милые золотые часики. Сейчас они являли собой поблескивающий хаос из битых стеклышек и покореженного циферблата.

– Я не хотел, поверьте, – устало обронил Андрей и сделал шаг по направлению к незнакомке. – Если потребуется,

я куплю вам новые.

– Еще как потребуется, – всхлипнула она, прикладывая белоснежный платочек к аккуратно подведенным глазам. – Это подарок папы. Мне они ужасно не нравились, но я все равно носила их из уважения к нему. Надеюсь, вы понимаете? А что он скажет теперь?

– А что он скажет? – тупо переспросил Андрей, пытаясь уловить ход мыслей разобиженной блондинки.

– Что, что... – неожиданно зло прошипела она. – Он скажет, что я специально это сделала...

– А-а-а, – понимающе протянул Андрей, так ничего и не поняв. – Ну, если возникнет такая необходимость, я могу подтвердить вашу, так сказать, невиновность.

– Еще как возникнет! – округлила она глаза. – Вы должны сейчас же пойти со мной и все ему рассказать! Идемте...

Следуя за незнакомкой по переходу, Андрей удивлялся превратностям судьбы и напористости некоторых женщин.

Вот он, молодой преуспевающий сотрудник известной фирмы, вместо того чтобы открывать сейчас шампанское и произносить тост за успешное завершение выгодной сделки, идет куда-то в ночь непонятно зачем и еще чувствует себя при этом ужасным негодяем. А виной всему было воспитание, которое заложила в него мама, любящая повторять: «Сынок, женщина всегда права! А если женщина не права – попроси у нее прощения!»

– Так прощения я попросил! – пробормотал Андрей, с

тоской глядя на белокурые пряди, колыхающиеся перед глазами. – Но это ничего не изменило.

Словно почувствовав его взгляд, незнакомка оглянулась и, прищурившись, спросила:

– А вы не передумали? Вы действительно хотите мне помочь?

– Ну разумеется, – молодой человек попытался улыбнуться. – А вы живете далеко отсюда?

– Нет, здесь рядом. Для того чтобы все исправить, нам не придется далеко идти!..

Если и возникли у Андрея подозрения по поводу двусмысленности ее ответа, то они пронеслись в мозгу и залегли глубоко в подсознании, так и не просигналив ему о надвигающейся опасности...

– Ну, что скажешь, Каменихина? – опер сидел, навалившись на стол, и мрачно поглядывал на Женьку из-под сведенных смоляных бровей. – Подумала?

– Подумала, – еле слышно произнесла она в ответ, переступая с ноги на ногу.

– И?.. – он встал и прошелся вдоль стола, поигрывая резиновой дубинкой. – Что надумала?

– А что прикажете! – Неожиданно для самой себя девушка приподняла подбородок и с вызовом посмотрела в наглые черные глаза опера.

– Вот это молодец! – крикнул он от неожиданности. – С

сегодняшнего дня и начнем...

– Что?! Что начнем?! – робко улыбнувшись, Женька перефразировала вопрос. – Я хотела сказать – с чего начнем?

Иван Сергеевич оживился и, усадив ее на стул, принялся инструктировать. Детали пока не обсуждались. Все, что от нее требовалось, так это усиленно питаться, о чем он уже распорядился. Больше бывать на свежем воздухе и больше отдыхать.

– Через месяц, максимум через два, ты должна быть у меня, как ягодка, – шлепнул ее опер пониже спины, провожая к двери. – А то что это – одни кости. С завтрашнего дня у тебя начнется другая жизнь...

Другая жизнь началась с того, что, выведя ее на прогулку, Серега-Мопс, попридержав дверь, кому-то гаркнул:

– Быстрее у меня там!

Каково же было удивление Женьки, когда она увидела вездесущую Верку, толкающую перед собой тележку на колесах, прикрытую чистой салфеткой.

– Кушать подано, – неприветливо буркнула та, срывая салфетку и являя взору молодой девушки яства, которых ей не приходилось видеть за всю ее недолгую жизнь.

Но на этом чудеса не закончились. Едва Женька отобедала, как конвоир сделал ей знак следовать за ним. Смирненно сложив руки за спиной, она последовала за Серегой, гадая про себя, что же будет дальше...

А дальше был тюремный лазарет. Но не в общеприня-

том смысле этого слова – от лазарета осталось одно название да решетки на окнах. Все остальное было оборудовано под современный косметический кабинет со всей атрибутикой, включая мини-солярий.

«Теперь понятно, откуда у Веркиной подружки такой цвет кожи!» – вспомнила Женька сцену в раздевалке душевой.

Эту ночь, наверное, впервые после заключения под стражу, девушка спала как убитая. Даже сновидения, ставшие навязчивыми, не преследовали ее.

– Так можно жить... Да, голуба? – ухмылялась соседка, видя, как постепенно розовеют Женькины щеки. – Еще месяц на таких харчах – и тебя не узнаешь.

– Да, – соглашалась девушка, внутренне сжимаясь от скрытого смысла сказанных слов. – Чем только это закончится? Что будет дальше?

– А ты не гони лошадей-то, – поучала баба Маша. – Может, что и изменится.

Ее слова оказались пророческими и на этот раз...

Игорь Владиславович мерил шагами комнату для свиданий, удовлетворенно потирая время от времени руки.

– Вы понимаете, Женя, это почти победа. – Остановился он на мгновение. – Завтра я встречаюсь со следователем, который ведет ваше дело. Послезавтра – с начальником тюрьмы. Неделя у меня уйдет на оформление различного рода документов. Короче, максимум через месяц вы будете на сво-

бодe.

– Это правда!!! – Женька подняла затуманенные болью и надеждой глаза на адвоката. – Я так устала ждать, что мне трудно в это поверить. Как вам это удалось?! С меня сняли подозрения?

– Не совсем, – Игорь Владиславович на минуту замялся. – За то время, пока вы сидели, в городе произошло еще два идентичных убийства. Преступник пока не найден, скорее всего это женщина, но у следствия должны возникнуть серьезные сомнения по поводу вашей виновности. Во всяком случае, я постараюсь их в этом убедить.

– А если у вас не получится? – Девушка вновь поникла.

– Должно. – Адвокат опустилcя на стул. – Убийства по своему почерку и характеру нанесенных ножевых ранений очень похожи. К тому же я вновь разговаривал с патологоанатомом: он знакомый моего хорошего знакомого, но не это сейчас важно... Он сообщил мне кое-что новое.

– Что?!

– Понимаете, под ногтями вашего брата были обнаружены фрагменты кожи, которые не принадлежат ни ему, ни вам, – это первое. Второе – на внутренней стороне его брюк обнаружены два пятна крови, группа которой не совпадает ни с вашей, ни с его.

– А почему милиция не обратила на это внимания?

– Они не придали значения фактам, которые не укладывались в простую и очевидную схему, – невесело усмехнулся

Игорь Владиславович, доставая сигарету. – Вы позволите?

– Конечно, – равнодушно пожала плечами Женька, машинально отметив, что курит он в ее присутствии впервые.

– Когда у них перед глазами труп, а рядом человек с ножом в руке, да к тому же еще и весь окровавленный, то все остальное становится неважным.

– А как же люди? За всем этим людские судьбы! – заволновалась Женька.

– И что? Повесить на себя еще одно нераскрытое убийство? Это никому не нужно. – Адвокат ткнул сигарету в пепельницу и, внимательно взглядевшись в посвежевшее лицо своей подзащитной, спросил: – Вы ничего не хотите мне рассказать?

– А-а-а что? – непонимающе захлопала Женька ресницами.

Игорь Владиславович устало прикрыл глаза, затем, откинувшись на спинку стула и взяв в руки блокнот и карандаш, принялся что-то быстро писать. Вытянув шею далеко вперед, Женька попыталась что-либо разглядеть, но рука адвоката быстро бегала по строчкам, лишая возможности разобрать написанное.

– Прочтите! – коротко приказал он, протягивая девушке блокнот спустя несколько минут. – Только без комментариев.

«Мне необходимо знать, что означает ваш внешний вид? – значилось в короткой записке. – Это результат привыкания

к здешнему режиму или это что-то другое?»

Молча взяв протянутый карандаш, девушка сделала короткую приписку: «Это что-то другое».

– У нас с вами совсем нет времени, – задумчиво протянул Игорь Владиславович, вырывая исписанный листок из блокнота и пряча его во внутренний карман пиджака.

Баба Маша лежала посередине камеры и тихо стонала.

– Что с вами?! – кинулась Женька с порога. – Вас кто-то бил?!

– Нет, – еле слышно произнесла Сатанистка. – Помоги подняться.

Закинув ее слабую руку себе на плечо, девушка подхватила почти невесомое тело и, доведя до места, аккуратно опустила на нары. Лицо бабы Маши покрылось мертвенной бледностью. Дыхание сипло вырывалось из груди.

– Эй! – Женька осторожно тронула ее за плечо. – Вы меня слышите?

Баба Маша приоткрыла глаза и еле заметно кивнула.

– Вы больны?

Ответом был все тот же слабый кивок.

– Тогда вам нужно в лазарет, – засуетилась девушка, пытаясь подняться с кровати.

– Нет, – сипло произнесла старая женщина. – Нагнись и слушай.

Приблизив ухо почти к самому изголовью, Женька вся об-

ратилась в слух, надеясь узнать причину столь странного состояния соседки. Но то, что ей поведала баба Маша, повергло девушку в состояние, близкое к шоку.

– Этого не может быть!!! – только и смогла выдохнуть она после получасового откровения старой женщины. – Вы не отдаете себе отчет в том, что говорите!!!

– Не тарахти, – скривились в подобии улыбки бескровные губы. – Пообещай, что выполнишь мою просьбу!..

– Но ведь у вас есть сын! Вы мне рассказывали... – попыталась возразить Женька. – У него могут быть свои взгляды на этот счет.

– Не хочу слышать про этого ублюдка! – скомкала баба Маша тонкую холщовую кофточку на груди. – Он уже давно отказался от меня. Так пусть теперь пожинает то, что посеял.

С последним девушке трудно было согласиться. Зная из недавних откровений историю соседки почти доподлинно, она в глубине души понимала сына-отступника. Крути не крути, а иметь матерью женщину, состоящую на службе у дьявола, мягко говоря, не совсем приятно...

Тихий хрип отвлек Женьку от размышлений. Внимательно взглядевшись в заострившиеся черты, девушка по-настоящему испугалась. Сквозь неплотно сомкнутые веки проглядывали желтоватые белки, костяшки пальцев побелели, а дыхание все реже и реже вырывалось из старческой груди.

– Эй, баба Маша, – потрясла она соседку, но та никак не прореагировала. – Господи, что же мне делать?!

Мысли Женьки заметались. После страшной трагедии, пережитой ею почти год назад, удивить ее видом мертвого тела было бы трудно. Но подобное соседство не особенно и воодушевляло.

Подлетев к двери, Женька изо всей силы шарахнула по ней кулаком.

– Эй, там! Кто-нибудь, откройте! – прокричала она, нагибаясь к замочной скважине. – Здесь человек умирает!

Спустя несколько минут ключ в замке ржаво закрипел, и на пороге выросла безобразная физиономия Сереги-Мопса.

– Чего орешь, Дошлая? – процедил он, почти не раскрывая рта. – В карцер захотела?

– Баба Маша умирает! – выпалила Женька, оставив без внимания Серегины угрозы. – Врача надо!

– Зачем ей врач, если она умирает? – почти искренне удивился Серега-Мопс, но все же прошел в глубь камеры и постоял несколько мгновений над затихшей к тому времени старушкой. – Она вроде уже издохла. Ладно, сейчас...

Он почесал волосатый загривок и, потоптавшись у порога, скрылся за дверью.

Женька обхватила себя руками и принялась маршировать по камере. На языке уголовников это называлось «тусоваться». Почему именно так, она не понимала, как не понимала и многого другого из тюремной лексики.

Время тянулось бесконечно медленно. Стрелки часов, казалось, замедлили свой бег, изнурая ее ожиданием.

За телом соседки пришли лишь через два часа. Два мрачного вида санитар в халатах деловито поворочали труп с бока на бок и, сбросив его на пол на заблаговременно подставленные носилки, вынесли вон.

После их ухода, устало опустившись на нары, девушка смогла наконец перевести дыхание. Она обхватила руками поджатые к подбородку колени и надолго задумалась. То, что сообщил ей адвокат, не могло не радовать, хотя, с другой стороны, это могло повлечь за собой и новые проблемы. Выйди она сейчас на волю, что ждет ее там? Ни дома, ни друзей. Женька тяжело вздохнула и рухнула лицом в подушку. Слезы сами собой прихлынули к глазам, и она разревелась. Причиной ее слез не была жалость к самой себе, это были слезы отчаяния и растерянности перед суровыми реалиями ее нелегкой жизни.

За этим неблагодарным занятием и застал ее Иван Сергеевич. С грохотом отшвырнув тяжелую дверь, ворча себе под нос что-то неразборчивое, он прошел на середину камеры.

– Кого оплакиваем? – нелюбезно поинтересовался он, останавливаясь в изголовье у девушки.

Вытерев глаза, Женька пару раз хлопнула носом и нехотя поднялась. Опер крутнулся на каблуках, несколько раз щелкнул себя резиновой дубинкой по голенищу сапога и обрушил на нее целый град вопросов:

– Что тебе сказал адвокат? О чем вы там шептались целых полчаса? Что было в той записке, которую он сунул перед

уходом себе в карман? Молчишь, сучка?!

Ошалело хлопая глазами, Евгения переводила взгляд с опера на охранников, застывших изваяниями у него за спиной, и не находила, что ответить.

– Я, я... – попыталась что-то пролепетать в ответ девушка.

– Знаю, что ты! – рявкнул он, подходя к ней поближе. – Говори, или – ты меня знаешь!..

– Он написал, что я ему очень нравлюсь! – выпалила Женька молниеносно родившийся ответ. – Да, да! Не улыбайтесь!

Увесистая затрещина отбросила девушку к стене.

– Я бы тебя, сука, – заскрежетал зубами опер, – по стене размазал за брехню твою, да нельзя... Давай, вставай и идем за мной. Пора отработать денежки, которые я в тебя вложил.

Ее провели по гулкому, пустому к тому времени коридору и вывели на улицу. Солнце уже клонилось к закату, поэтому внутренний двор был погружен во мрак. И все-таки Женьке удалось разглядеть у северных ворот дорогую машину, глазевшую иностранными фарами на убогую тюремную серость.

Понимая, что хозяин этого автомобиля скорее всего и есть тот «заказчик», с которым ей придется вот-вот столкнуться, Женька закрутила головой по сторонам в надежде его увидеть.

– Не суетись, – понимающе хмыкнул Иван Сергеевич. – Он уже на месте...

Местом оказался административный корпус, стоящий чуть в отдалении от основной громадины серого кирпича. Молодой солдатик, подметающий ступеньки, смерил Женю оценивающим взглядом и нехотя козырнул майору.

– Распустились, мать вашу... – буркнул себе под нос опер, рванув обитую рейкой дверь. – Заходи – и побыстрее!

Обустройству холла могли позавидовать многие солидные учреждения. Огромные пальмы в кадках по углам. Дорогое покрытие на полу.

– Неплохо вы тут устроились, – недоуменно качнула головой девушка, следуя за Иваном Сергеевичем.

– Спонсоры... – лаконично ответил он, трогая ее за локоть и подводя к лестнице, винтом уходящей вниз. – Ты не выкобенивайся там! Человек солидный, может озолотить и все такое... В общем, хороший человек...

Хороший человек сидел, развалившись на широком диване. Опустив жирные складки подбородка на сцепленные в замок короткие пальцы, он исподлобья глядел на вошедших и не произносил ни слова.

– Вот, Лаврентий Степанович, наша Женечка, – суетливо затараторил опер, сгибаясь в приветственном поклоне едва ли не в три погибели. – Чиста, как младенец.

– Посмотрим, – просипел Лаврентий, колыхнув тучным телом. – Заходи, красавица. А ты – свободен.

Как только замок за спиной девушки щелкнул два раза,

зыбкое спокойствие, которое она доселе усилием воли пыталась сохранить, начало покидать ее. Широко раскрыв глаза, она силилась рассмотреть в сидящем напротив мужчине черты «хорошего человека», но не могла. Все в нем было до отвращения омерзительным. Мясистые губы, на которых повисли крошки еды, беззвучно шевелились.

Чувствуя, что силы вот-вот покинут ее, Женька прокашлялась и тихо попросила:

– Можно присесть?

– Присядь, – волосатая ручища похлопала по дивану. – Только не очень далеко.

– А выпить можно? – спросила девушка, судорожно сглотнув, чтобы не закричать от страха, который все сильнее овладевал ею.

– Пей сколько хочешь. – Лаврентий Степанович наполнил до краев высокий фужер коричневатой жидкостью из пузатой бутылки. – На... И давай с тобой договоримся – ты расслабляешься.

– Вы считаете, что это возможно? – пробормотала Женька, принимая бокал с коньяком. – Я имею в виду – в подобных условиях?

– Я тебя сюда не сажал, – осклабился ее собеседник, налив на вилку кусок колбасы, и замер в ожидании. – Ну, давай, пей...

Глубоко вздохнув, девушка поднесла фужер к губам и принялась пить его содержимое большими глотками. Напи-

ток обжег горло, в глазах защипало, но она не останавливалась.

– Все, – наконец выдохнула Женька и закашлялась.

– Ты смотри какая молодчина, – заржал Лаврентий, почти насильно затолкав ей в рот кусок колбасы. – Закусывай...

Обведя начинающими мутнеть глазами убранство комнаты, Женька еще раз тяжело вздохнула и произнесла:

– В конце концов – каждому свое! Так, кажется, было написано на воротах Бухенвальда?

– Не был, не знаю, – вполне серьезно ответил толстяк, стараясь незаметно пододвинуться к девушке. Учитывая его комплекцию, это было весьма проблематично. – Ты бы разделась, что ли. Ненавижу я эти ваши тюремные робы. Вы в них все одинаковые. То ли дело без нее...

– Ага, сейчас. – Женька попыталась расстегнуть верхнюю пуговицу куртки, но руки, до этого беспрекословно подчинявшиеся ей, отчего-то перестали слушаться. Пальцы скользили по петлям, путаясь и цепляясь друг за друга. – Ой, кажется, я пьяна!..

Это было последнее, что она запомнила. Тяжелый, душный кошмар опустился на нее, то и дело подступая к горлу тошнотворной болью, и Женька отключилась.

Звонкий перестук капель холодной воды о раковину умывальника заставил девушку спрятать голову под подушку. Боль, пульсирующая в висках, мешала сосредоточиться. Об-

ведя непонимающим взглядом помещение, Женька облегченно вздохнула – она была в своей камере. Попытавшись вспомнить события вчерашнего вечера, она недовольно поморщилась – сплошной калейдоскоп из форменных фуражек и озлобленных мужских физиономий.

– А имеет ли смысл вспоминать? – тихо прошептала она самой себе. – Лучше побыстрее все забыть.

После завтрака, включающего в себя вязкую перловую кашу, которая к тому же подозрительно чем-то припахивала, Женька сунула голову под кран. Почистив зубы, она, пошатываясь, прошла по камере. Вопреки ожиданиям тело ее не подавало никаких признаков свершенного над ней насилия. Недоуменно пожав плечами, она расстегнула брюки и спустила их до колен. Кожа сияла девственной чистотой. Ни синяков, ни царапин, ничего того, что, по ее разумению, должно было включать в себя грубое мужское вмешательство.

«А может быть, ничего и не было? – мелькнуло у нее в мозгу. – Я была пьяна и...»

Додумать она не успела. Дверь распахнулась, и раздалось казенное «Каменихина, на выход!». Причем через мгновение было добавлено: «С вещами...»

Быстро побросав в пакет нехитрые пожитки, боясь поверить во что-то хорошее, Женька едва не бегом устремилась по коридору впереди конвоира.

– Да не лети ты так, – попытался немного сбавить ее прыть

охранник. – Немного уже осталось, потерпи.

К удивлению Женьки, ее повели не в обычную комнату для свиданий, а куда-то наверх.

– А куда мы? – растерянно обернулась она к конвоиру. – Выход же внизу!

– Куда велено, туда и веду, – ответил он, тяжело дыша. – К начальнику тюрьмы велено доставить.

– А разве он не в административном здании?

– Молчать! – разозлился конвоир, вконец задохнувшись. – Иди и не разговаривай.

Начальник тюрьмы оказался высоким седоволосым мужчиной средних лет. И если бы не обстоятельства, то Женька сочла бы его вполне сносным собеседником.

Из того, что он ей успел сообщить до прихода адвоката, Женька услышала лишь одно – она свободна.

– Тем не менее вы должны понимать, – монотонным голосом продолжал он, не глядя на девушку, – органами было решено избрать меру пресечения – подписку о невыезде. Подозрения с вас не сняты. Вы по-прежнему являетесь подозреваемой по делу об убийстве, просто сложились обстоятельства, в силу которых ваше содержание под стражей возможно... ГМ...

Он долго обдумывал слово, которое по его понятию более всего подходило к данной ситуации, но тут ему на помощь пришел Игорь Владиславович, тихо появившийся в кабинете. Незаметно подмигнув ошалевшей от счастья Женьке, он

пожал протянутую руку начальника тюрьмы. Выложив перед ним один за другим несколько листов бумаги, заполненных машинописным текстом, он спросил:

– Сергей Николаевич, надеюсь, все соблюдено?

– Да, да, – машинально просмотрев бумаги, начальник тюрьмы сунул их, не читая, в один из ящиков стола. – Мне звонили из Управления. Можете забирать свою подзащитную. Пропуск я уже оформил.

– Вот вы и на свободе, Женя! – весело проговорил адвокат, беря девушку под локоток и ведя к машине, припаркованной на пустующей стоянке. – Но главное – еще впереди. Что с вами?!

Он с тревогой уставился на подзащитную, по щекам которой бурным потоком текли слезы.

– Я не знаю, – еле слышно прошептала она, пытаясь справиться с минутной слабостью. – Я и рада, и испугана...

– Не переживайте, – Игорь Владиславович протянул ей бумажный носовой платок. – Это нормальное состояние после выхода из тюрьмы. Такое бывает со многими.

– Правда?!

– Свобода... Она манит и страшит одновременно. А вас особенно. Но заранее хочу вас успокоить, я все обдумал – поживете пока у меня...

– Нет! – твердо ответила Женька, высвобождая руку и усаживаясь на переднее сиденье новенькой «Мазды». – Этого

не будет!

– Вы меня неправильно поняли! – он покраснел от смущения. – Я...

– Не надо, Игорь Владиславович, – мягко перебила его девушка. – Я и так вам многим обязана, не хочу ко всем своим долгам причислять еще и этот. Я справлюсь, поверьте.

Адвокат несколько минут пристально разглядывал сидящую напротив девушку, как бы решая про себя – пускаться ли на дальнейшие уговоры. Но, видя, как сурово сведены ее брови и какой решимостью сверкают глаза, решил отказаться от этой затеи.

– Впрочем, как хотите, – тихо промолвил он, трогая машину с места. – Огромная просьба – будьте осторожны. Мы имеем дело с очень опасным преступником, вернее преступницей. Неизвестно, что она предпримет, узнав, что вы на свободе. Она хитра и постоянно меняет свой облик. За все это время ей удалось не оставить никаких следов на месте преступления.

– А свидетели? – заинтересовалась Женька, успевая одновременно и слушать, и жадно пожирать глазами мелькающий за окном пейзаж.

– Их почти нет. В первом случае утверждают, что женщина ярко-рыжая. Во втором – будто бы блондинка. Я думаю, что она пользуется париками. При умело наложенном гриме человека очень трудно идентифицировать. Вы понимаете?

– Еще бы мне не понять! – фыркнула девушка. – По ми-

лости этой твари я лишилась родного брата и года жизни!.. Кстати, Игорь Владиславович, а что это были за манипуляции с записками?

– А-а-а, – качнул он головой. – Об этой тюрьме идет дурная слава... Вот я и опасался, как бы с вами чего не случилось.

– Ответ более чем лаконичный, – хмыкнула Женька, стараясь не выдать себя. Ей так и не удалось вспомнить подробности вчерашнего вечера. Хотя сейчас это как будто бы уже не имело никакого значения.

Она отвернулась и уставилась в окно, всем своим видом показывая нежелание продолжать начатый разговор. Несколько раз наткнувшись взглядом на ее затылок, Игорь Владиславович отчаялся и тоже надолго замолчал. Лишь высаживая ее около дома, который не так давно был ей родным, он наконец спросил:

– Вы не передумали? Твердо решили остановиться именно здесь?

– Д-да! – Женька рассеянно кивнула, скидывая взгляд наверх, туда, где располагались окна квартиры покойного Антона. – Если что-то изменится, я вам непременно сообщу.

Они попрощались, и девушка пошла к подъезду...

«Это она!! Я не могла ошибиться! – Молодая женщина быстро свернула в переулок и смогла наконец перевести дыхание. – Но этого не может быть! Я же все продумала! До-

мой, только домой! Только там я смогу успокоиться и все хорошо обдумать».

При воспоминании о доме мысли ее приняли совсем другое направление, и она заметно расслабилась, даже нашла в себе силы улыбнуться смешному карапузу, который протягивал ей надкусанное яблоко и что-то лопотал при этом.

Вызвав лифт и пропустив впереди себя пожилую супружескую пару, женщина устало привалилась к стене кабины и задумалась.

– Ваш этаж! – повторил, наверное, в третий раз мужчина, приподняв шляпу. – Вы выходите?

– Да, да, простите ради бога! – она тепло улыбнулась им, про себя отметив, что надо быть пособраннее. Такое поведение, резко отличавшееся от обычного, слишком уж бросается в глаза.

Лишь заперев за собой дверь квартиры и бросив на пол пакеты с продуктами, она смогла наконец дать волю ярости.

– Сука!!! – шипела она, брызгая слюной. – Сука! Из-за тебя со мной опять все началось! И ты должна за это поплатиться! Ну подожди, я еще что-нибудь придумаю! Ты недолго пробудешь на свободе! Я знаю о тебе все! А ты обо мне – нет! Я вновь подставлю тебя так, что ты не выйдешь оттуда до конца дней своих!

Последняя мысль ей настолько понравилась, что она истерически расхохоталась, откинув назад красивую голову и взъерошив иссиня-черные волосы, в которых недавно обна-

ружила два седых волоска.

– Пусть будет так! – Женщина вернулась в прихожую и принялась поднимать разбросанные по полу продукты.

Рассовав все по полкам холодильника и шкафа, она достала бутылку своего любимого венгерского вермута и, поставив рядом с нею два бокала, принялась накрывать на стол.

Со стороны могло показаться, что женщина ожидает гостей, но только одной ей было ведомо, что никто не заявится к ней сегодня. Незримый собеседник, с которым она разговаривала последние несколько лет и которого ненавидела лютой ненавистью, уже давно был мертв, хотя и числился без вести пропавшим...

Дверь квартиры была опломбирована. Недоуменно уставившись на белый клочок бумаги, который лишал ее последней надежды на пристанище, Женька окончательно расстроилась. Идти дальше было некуда. Пошуршав в кармане джинсовки распиской о невыезде, она в сотый раз тяжело вздохнула и направилась к лифту.

Во дворе в этот час было пустынно. Опустившись на скамейку, она зябко поежилась и принялась чертить прутиком зигзагообразные фигурки на слое пыли, которой здешний район новостроек особенно славился.

– Женя?! – оторвал от ее занятия чей-то недоуменный возглас. – Это ты?!

Девушка подняла глаза и в стоящей перед ней миловид-

ной женщине узнала соседку по подъезду.

– Да, – хрипло произнесла она. – Это я...

– А чего же ты здесь? – Нина растерянно указала на скамейку, потом, спохватившись, схватилась за голову. – Хотя о чем это я! Ты меня извини, пожалуйста.

– Ничего, Ниночка, не волнуйся, – попыталась улыбнуться Женька, хотя внутреннее ее состояние не располагало к особой радости. – Я уже уйду.

Отбросив ставший ненужным прутик, девушка поднялась и, отряхнув старенькие джинсы, направилась прочь со двора.

– Женя! – вновь окликнула ее Нина. – Подожди, пожалуйста.

Быстро догнав отошедшую на приличное расстояние девушку, Нина взяла ее под руку со словами:

– Идем, я тебя немного провожу.

– Хорошо, идем, – печально выдохнула Женька, несколько не удивляясь такому участию – соседка славилась своей добротой и бескорыстностью.

– Квартира опечатана? – спросила Нина и самой себе ответила: – Да, опечатана. Вика не смогла здесь жить, выписалась и отказалась от всех прав на квартиру. Уехала куда-то на Урал к матери. Первое время все тебя обвиняла, билась в истерику. Мы всерьез опасались за ее здоровье. Потом постепенно пришла в себя, но жить здесь не смогла. Такие вот дела...

Они помолчали. Полуденные лучи сентябрьского солнца

ласково пригревали, делая все разговоры о прошлом ненужными.

– Давай присядем, – неожиданно предложила Нина, указывая на небольшой скверик. – Здесь тихо и никто не помешает.

Евгения равнодушно пожала плечами, но от предложения отказываться не стала. Обмахнув скамейку от опавших листьев, женщины, вздохнув каждая о своем, присели.

– Я о многом тогда умолчала, – виновато произнесла Нина, нарушая повисшую паузу, и, заметив немой вопрос в глазах девушки, продолжила: – Я видела тогда ее...

– Кого?!

– Убийцу! – выдохнула соседка и заметно побледнела. – Перед тем, как Виктория вернулась с работы, к Антону приходила женщина. Я спускалась за почтой, а когда поднялась, она уже входила в вашу дверь. Лица ее я не видела, она стояла ко мне спиной. Помню лишь короткую стрижку, русые волосы. Достаточно высокая, стройная. Меня еще удивило тогда, что твой брат принимает у себя женщину в отсутствие жены, но...

Нина уставилась в пустоту, словно заново переживая события годичной давности. Затем, устало вздохнув, начала оправдываться, почему умолчала в то время, когда шло следствие.

– Прости меня, но я испугалась, – закончила она свою оправдательную речь, стараясь при этом заглянуть Женьке

в глаза.

Горько усмехнувшись, девушка встала и, молча попрощавшись, медленно побрела по опавшим листьям. Нина огорченно всплеснула руками и кинулась было вдогонку за Евгенией, но потом передумала и зашагала в противоположную сторону. А Женька все брела и брела, пока не наткнулась на высокую ограду, отделяющую сквер от проезжей части. Оперевшись спиной о чугунные завитки, она расплакалась.

– Тетя, что с вами? – мальчик лет двенадцати настороженно поглядывал на нее из-под козырька бейсболки.

Что она могла сказать этому ребенку? Что из-за чьей-то трусости и нежелания помочь потеряла год жизни? Или о том кошмаре, в котором прожила все это время? Вряд ли бы он понял. Хотя кто знает, от кого нам в этой жизни ждать сочувствия и понимания?..

Женька промокнула глаза и, попытавшись улыбнуться, ответила:

– Все нормально, спасибо.

Мальчик не уходил. Настороженность в его глазах сменилась состраданием.

– Вы только скажите, я помогу, – убежденно произнес он через минуту. – Может быть, вы заблудились?

– Все может быть... – рассеянно пробормотала девушка и, неожиданно вспомнив о предсмертной просьбе соседки по камере, спросила: – Ты не знаешь, где улица Старооскольская? Скорее всего это пригород, я плохо знаю окрест-

ности...

– Знаю, – обрадовался мальчик. – У нас там дача. Мы год назад ее купили. Вам нужно...

Далее последовали точнейшие инструкции о том, как добраться до нужного места. В ход пошла и сломанная ветка – на рыхлой земле был быстренько начертан план местности, – и несколько фишек, которыми были полны карманы подростка.

– Вы быстро найдете! – частил он, подробно посвящая Женьку в детали.

– Спасибо тебе! – с благодарностью заглянула она в огромные серые глаза, светившиеся из-под козырька. – Тебя как зовут-то?

– Женька, – широко улыбнулся мальчик, протягивая узкую ладошку.

– Тезка, значит, – девушка пожала теплую ручонку. – Может, еще увидимся...

Улица Старооскольская вытянулась вдоль глубокого оврага и явно была застроена в разное время. Маленькие низкие домики чередовались с двухэтажными особняками, гордо уставившимися тонированными стеклами на широкую бетонку. По ней то и дело проносились молоковозы, соревнуясь в скорости со строгими джипами и узкоглазыми иномарками.

«Ничего себе райончик у бабы Маши, царствие ей небес-

ное! – пронеслось в голове девушки. Потом, вспомнив о странностях Сатанистки, Женька невольно усмехнулась: – Хотя, кто ее знает, в каком она сейчас царствии?..»

Нужный адрес она нашла без труда. Стоило ей назвать номер дома, как богобоязненная старушка в темном шерстяном платке принялась неистово креститься. Плюнув несколько раз в Женькину сторону, она презрительно скривила беззубый рот:

– Кто же его не знает-то? Таких, как Машка-Сатанистка, на всем белом свете не сыщешь! Вон он торчит из-за поворота. Вишь, труба покосилась.

– Вижу.

– Вот это и есть ее логово, прости господи! – Старушка еще раз перекрестилась и бойко устремилась прочь.

«Логово» встретило Евгению покосившейся калиткой. Осторожно приподняв ее за один край, Женька отодвинула в сторону прогнившие доски и вошла во двор. Заросшие пожухлым бурьяном грядки кричали о запущенности. Не лучше выглядел и сам дом. Побеленные когда-то стены, облупились и торчали грязными заплатками темно-коричневой глины. Утешало лишь то, что почти все стекла в низких подслеповатых окошках были целы.

«Хоть какое-то жильё», – мелькнуло у девушки в голове, когда она, нашарив под полуразвалившимся ступеньками крыльца ключ, вставила его в замочную скважину.

Замок на удивление легко подался, дверь тоже распахну-

лась без скрипа. Опасливо озираясь, Женька вошла в темные сенцы и затворила дверь. Тут же жуткая темнота окутала девушку своими липкими лапками, заставив ее задрожать. Трясущимися руками она принялась обшаривать стены, пока не наткнулась на дверную ручку. Дернув ее на себя, она с облегчением вздохнула – комната, представившаяся ее взору, выглядела вполне обжитой.

Почистив ноги о порог, Женька отправилась осматривать жилище, на временное пристанище в котором сильно надеялась. И чем больше она его разглядывала, тем больше крепла в ее душе уверенность, что дом этот обитаем.

– Интересно, – вполголоса пробормотала девушка, увидев аккуратно застеленную кровать, – кто же здесь живет?

Хотя прекрасно понимала, что при таком наличии бездомных в городе жить здесь мог кто угодно. Причем невзирая на дурную славу этого жилища. А если в доме живут, значит, могли обнаружить и тайник, содержимое которого завещала ей перед смертью баба Маша.

Женька вспомнила, как на все ее уговоры и доводы та упрямо твердила постепенно слабеющим голосом:

– Все забирай! Хочу все отдать тебе! Никому больше! Они отвернулись от меня... Никто за два года куска сала с хлебом не прислал! Шиш им всем! Такая им будет моя месть!..

Честно сказать, Женька мало верила в предсмертный хрип бабы Маши. Списывая все это на помутнение рассудка пожилой женщины, просидевший почти год в одиночке. Но

сейчас, оглядывая стены, она решила все-таки слазить в тайник, который, по словам бабы Маши, располагался на чердаке.

Подставив трухлявую лестницу к чердачному люку, зиявшему открытым лазом в маленькой кухоньке, девушка осторожно полезла наверх.

Чердак встретил ее махровыми хлопьями паутины, развешанной в художественном беспорядке трудолюбивыми пауками. Брезгливо отодвигая их творения в сторону, Евгения шаг за шагом продвигалась в дальний угол. Туда, где, по словам умершей женщины, и хранились «несметные сокровища».

– Так, кирпич на месте, – проговорила Евгения, опускаясь на колени перед полуразвалившейся трубой.

Обломок красного кирпича, который служил ориентиром в ее поисках, призывно торчал под углом сорок пять градусов на единственной уцелевшей стене трубы. Тронув его за край, Женька с удовлетворением обнаружила, что он легко подался. Она отложила обломок в сторону и принялась вытаскивать один за другим кирпичи, которых должно было быть шесть. Когда горка из них обозначилась нужным количеством, Евгения с облегчением вздохнула, увидев открывшееся взгляду полое отверстие.

Удивительно, но она растерялась. Маленькая ниша, непонятно для чего выложенная внутри трубы, была заполнена плотно уложенными свертками.

– Прямо мини-пещера Али-Бабы, – прошептала девушка, вытаскивая один из свертков, представлявший собой правильной формы квадрат, заботливо обернутый мягкой белой тканью. – Сейчас посмотрим...

Каково же было ее разочарование, когда на колени ей упали аккуратно упакованные пачки купюр, в недалеком прошлом предусмотрительно деноминированные нашим заботливым государством.

– О черт! – против воли вырвалось у Женьки, и тут же она едва не закричала от ужаса, потому что в доме что-то сильно гроыхнуло.

Решив, что тот, чье имя она сейчас назвала, не замедлил явиться, Женька закрыла глаза и принялась исступленно просить господу послать ей спасение.

Грохот повторился...

Девушка вжала голову в плечи и только-только собралась завизжать от ужаса, как представитель царства тьмы выругался вполне по-человечески, причем так витиевато, что Женька невольно покраснела. Несмотря на время, проведенное в тюрьме, она так и не научилась ругаться.

Мужчина между тем, продолжая греметь, метался по дому.

«А если он обнаружит лестницу?!» – обдало морозом позднее прозрение.

Но обитателю внизу, видимо, было не до этого. Суматошная беготня по дому была тому подтверждением.

Неизвестно, как долго просидела, замерев от страха, Евгения, но когда внизу все затихло, она с трудом смогла разогнуть колени. Постучав по ним кулачком, девушка тихонько пискнула, чувствуя, как покалывает ноги, и решила все же довести свое маленькое расследование до конца.

Выложив поочередно все свертки на пыльный пол, она принялась их один за одним разворачивать. Содержимое следующих трех «порадовало» деньгами еще более древними, чем те, которые она обнаружила в первом. Но когда Женька развернула еще два, то едва не задохнулась от радости...

Прямо на нее, позеленев неизвестно от чего лицом, установился сам президент Линкольн.

– Мамочки! – тихонько вскрикнула девушка, перебирая во внезапно задрожавших пальцах хрустящие бумажки. – Она не соврала!..

Воодушевленная такой находкой, Женька быстро рассортировала содержимое тайника на нужное и ненужное и осталась вполне довольна результатом.

Горка иностранных бумажек, находящихся сейчас в обращении в России, была более чем внушительной. Были они столь интересных раскрасок и принадлежности к различным государствам, что у Евгении невольно закралось подозрение, что баба Маша их коллекционировала скорее из эстетических соображений, чем из желания обогатиться.

– Я теперь просто миллионерша! – выдохнула Женька,

спускаясь вниз, после того как вернула ненужные деньги обратно в тайник, а остальное рассовала по карманам. – И могу себе кое-что позволить...

Осторожно высунув нос из кухоньки, она недоуменно огляделась и от удивления присвистнула. В домике, доселе аккуратно прибранном, царил полнейший разгром. Постель была разбросана по полу, единственная подушка вспорота, и ее нутро развеяно по комнате. Алюминиевые ложки, щербатые чашки и прочая нехитрая утварь, украшавшая старенький буфет, валялись беспорядочной грудой.

– Вот так так! – пробормотала Женька, оглядев жилище. – Или это результат сборов, или...

– Обыска! – рявкнул кто-то за ее спиной, заставив девушку взвизгнуть от неожиданности. – Кто ты такая, черт тебя побери?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.